

Мальпертью — Посадка

Анонимный доклад, в соответствии с требованиями международного права, представлен Межпланетной комиссии Таррагоны 14 ноября 2194 года на сессии, посвященной расследованию причин провала экспедиции пситронного космического корабля «Мальпертью»

Меня попросили сделать короткий доклад о том, что произошло во время неудачной экспедиции космического корабля «Мальпертью». Предупреждаю сразу, мне вряд ли удастся быть кратким. Сказать, что я до конца разобрался в случившемся, значило бы солгать, но некоторые детали я просто обязан озвучить, а если слишком отступлю от темы, прошу меня прервать.

Я родился в Ливерпуле, мне двадцать девять лет. «Мальпертью» стал первым пситронным кораблем, на котором мне довелось летать; это была моя шестая экспедиция. Предыдущие пять я провел на коммерческих кораблях, занимавшихся снабжением орбитальных космических станций внутри Солнечной системы — в районе Деймоса и лун Юпитера.

«Мальпертью» летал под красно-черным флагом Свободной Республики Каталонии, но, скорее всего, этот вариант просто посчитали наиболее подходящим. На самом деле кораблем владел картель маленьких компаний, ни одна из которых не была каталонской. Из-за хороших условий найма я решил не обращать внимания на то, что пситронные корабли обычно пользовались дурной славой.

В качестве порта вылета владельцы судна выбрали Барселону — возможно, из-за низких таможенных тарифов. Прибыв туда в день посадки, я был поражен количеством взлетающих шаттлов. Экипаж «Мальпертью», судя по всему, насчитывал более тысячи человек, что в десять раз превышало численность команды самого большого космического корабля, на котором мне доводилось служить. В ожидании полной комплектации «Мальпертью» был пришвартован у Луны, в центре отмели, особенно богатой Психеей, и я с нетерпением ждал, когда смогу его увидеть.

Так получилось, что на одном шаттле со мной летели три резервных пситронных Гида. Но Главного — его обычно называют Медиумом (правда, все знают, что использовать этот термин категорически запрещено), — здесь не было. О Главном гиде я знал лишь то, что его зовут Свитледи, что это аббат ордена барбускинов, а репутация у него — хуже некуда. Но и резервные гиды — женщина и двое мужчин — казались очень любопытными. Я не смог определить, откуда они родом — явно с востока, но кожа имела более темный оттенок, чем у китайцев, а язык, на котором они болтали между собой, понять было решительно невозможно.

Эти трое всегда держались вместе, сторонясь нас, членов экипажа. На того, кто осмеливался задать им какой-нибудь вопрос, они с изумлением и даже возмущением поднимали глаза, а потом отворачивались. Несмотря на это, командовавшие шаттлом офицеры, по всей видимости, относились к гидам с огромным почтением — даже пригласили к себе за стол, чего никогда не удостоивались простые смертные. Не знаю, о чем они разговаривали за ужином, но сомневаюсь, что беседа была интересной.

Похоже, я немного отвлекся. Итак, полет до «Мальпертью» занял тридцать пять часов, что соответствовало норме. Я узнал, что многие из экипажа уже летали на пситронных кораблях, но только один из них, норвежец с мускулистыми руками в татуировках, совершал экспедицию с аббатом Свитледи в качестве Медиума.

— Держись от него подальше,— шепнул он мне, когда мы обедали в общей зале.— Это исчадие ада.

— Почему? — немного обеспокоенно спросил я.

— Скоро поймешь. Это самый мерзкий человек, которого мне доводилось встречать в жизни. Если бы не одежда, никому бы и в голову не пришло, что он аббат. Но как Медиум он хорош, может быть, лучше всех.

Я хотел порасспрашивать его еще, но вдруг все бросились на палубу — похоже, мы подлетели достаточно близко, чтобы увидеть «Мальпертью». Я последовал за ними. А когда через маленький иллюминатор в крыше шаттла разглядел очертания корабля, то потерял дар речи. Темный силуэт закрывал почти все усеянное

звездами небо. Интересно, подумал я в тот момент, где могли построить такую громадину?

«Мальпертью» походил на нефтеперерабатывающий завод или, по меньшей мере, огромный промышленный комплекс, висящий в пустоте. Разница лишь в том, что из корпуса повсюду, снизу и сверху, торчали зубцы, напоминающие большие гвозди с усеченной головкой. Я почти ничего не знал о пситронных кораблях, но мне, как и всем, было известно, что их называют «катушками Фруллифера». Внутри, в цилиндрических резервуарах, находится огромное количество проводов, погруженных в раствор хлоридов натрия и калия. В местах, где провода припаяны друг к другу, расположены небольшие емкости, куда через лабиринт трубочек стекают жидкости со странными названиями: ацетилхолин, серотонин, гистамин, глицин, дофамин... Я не знаю, для чего они нужны. Но знаю, что некоторые сомнительные международные организации занимаются их нелегальными перевозками. Хотя вам и самим об этом известно.

Пересадка длилась несколько часов — так много было шаттлов, которые по очереди подходили к плавающим в пустоте герметичным коридорам и передавали им свой человеческий груз. Из комнаты обеззараживания мы вышли сразу на главную палубу, несравнимо больше любой другой, какие я видел в жизни. Освещение там оказалось таким тусклым, что, пока глаза не привыкли, пришлось двигаться на ощупь. К тому же было очень холодно — очевидно, владельцы корабля решили сэкономить на всем, на

чем только можно. «Хорошо хоть, что пситронные полеты длятся недолго»,— пробурчал норвежец, назвавшийся Торвальдом.

Капитан корабля по имени Прометей ждал нас на палубе — точнее, на возвышении, которое в память о древних парусниках мы до сих пор называем полубаком. Глазки маленькие, верхняя челюсть сильно выставлена вперед, косматая грива до пояса — настоящий зверюга. Волосатыми ручищами он вцепился в перила и обвел нас взглядом, в котором читалось неприкрытое презрение. Вопреки традиции, капитан даже не удостоил нас приветственной речи, а когда все члены экипажа собрались на палубе, повернулся к нам спиной и занялся своими делами.

Список бригадиров и их обязанности зачитал на английском, а потом на испанском старший помощник Хольц — энергичный парень, производивший впечатление опытного астронавта. В это время к нему подошел невысокий, одетый в рясу человек, белую кожу которого покрывали пятна. «Смотри, это аббат Свитледи,— понизив голос, сказал мне Торвальд не без трепета.— Боже, какое чудовище!»

Поначалу я решил, что он преувеличивает. Если не считать слишком выпирающего живота, Свитледи был сложен вполне нормально. Лицо, на котором красовался большой нос, испещренный ярко-красными капиллярами, выглядело добродушным — к тому же с пухлых губ не сходила лучезарная улыбка.

Скрестив руки, аббат стоял в паре шагов от старпома и смотрел на нас с отеческой любовью. Резервные гиды поспешили подняться по лесенке и

подойти к нему. Свитледи молча кивнул им в знак приветствия.

Господин Хольц объявил, что на корабле 1024 члена экипажа, которые поделены на двенадцать бригад; четырехчасовые рабочие смены будут сменяться четырьмя часами отдыха. Шести бригадам поручили заниматься укладкой груза, когда он будет получен в точке назначения — это казалось просто невероятным. Но тогда никто из нас не знал, что это за груз. Иначе многие потребовали бы сию же минуту высадить их с корабля. Христиане, иудеи и мусульмане — уж точно.

Бригадиры устроили перекличку. Меня, не имевшего никакой специализации, отрядили заниматься текущим обслуживанием судна. Нам с Торвальдом пришлось расстаться: он уже работал с катушками Фрулифера, поэтому его отправили в бригаду, отвечающую за их питание, в другую часть корабля.

Новые напарники мне не слишком-то понравились. В основном это были совсем юные филиппинцы, участвовавшие в экспедиции в первый или во второй раз; они говорили только на своем родном языке, отдаленно напоминавшем испанский, да выучили несколько команд на жаргоне астронавтов. Бригадир же, молчаливый итальянец по имени Скедони, как и мы, не имел представления ни о продолжительности экспедиции, ни о ее целях. Меня успокаивало, что для него это был уже четвертый полет на пситронном корабле, но я так и не смог уговорить бригадира рассказать, что нас ждет. «Сам увидишь»,— с раздражением пробурчал он, а потом сделал вид, что не понимает моего английского, и отгородился стеной молчания.

Жить нам предстояло в огромном зале, темном, как склеп. По всей видимости, и здесь владельцы судна пытались максимально сэкономить. Было так холодно, что изо рта шел пар, а выданные одеяла оказались старыми и дырявыми, будто их покупали у старьевщика. О герметичности упаковки индивидуальных гигиенических наборов оставалось только мечтать. А шкафы так заржавели, что открыть дверцу можно было, только дернув изо всех сил.

— Не переживайте,— засмеялся Скедони, когда услышал наше ворчание.— В этом полете комфорт нам не понадобится. А если будет нужно, я попрошу Медиума что-нибудь улучшить.

Я не совсем понял последнюю фразу, но в первую очередь меня поразило, насколько небрежно Скедони бросил слово «Медиум» — я знал, что использовать его запрещено на всех космических кораблях, особенно на пситронных. И тут в голове мелькнуло — а легальную ли экспедицию готовится совершить «Мальпертью»? Впервые эта мысль закралась мне в голову, когда я заметил, что на борту нет женщин — если не считать резервного гида азиатского происхождения. Но тогда я списал все на причуды аббата, решив, что он хочет подчинить жизнь на корабле монастырским правилам.

Нам предоставили пару свободных часов, чтобы разобрать вещи и отдохнуть. Кровати в общей комнате почти касались друг друга, и над каждой висел металлический шар, с которого спускалась короткая коса из тонких прядей волос, засаленных на вид. Скедони объяснил, что это «нейромагниты», передающие

катушкам Фрулифера воображаемые нами образы. Если мы их повредим,— предупредил он,— то в путешествии будем изуродованы или превратимся в нелепых монстров.

Шары напоминали скальпы и выглядели немного пугающе; но вскоре я задремал и проснулся лишь от звона колокола, возвещавшего о первой рабочей смене на корабле.

1

Цистерна Альхаферия

Небо над Сарагосой было усыпано мириадами звезд, таких ярких, что Эймерик невольно поднял глаза ввысь. А потом тряхнул головой, стараясь не поддаваться очарованию ночи. Нет, сегодня не время любоваться светилами. Он поплотнее запахнул черный плащ с капюшоном, надетый на белую рясу, которая окутывала его костлявое тело, и ускорил шаг.

Монастырская стена была высокой и мощной, а полуцилиндрические башни только портили общее впечатление. Эймерик торопливо кивнул четырем часовым, сидевшим возле большого костра, и нервной походкой направился к входной двери в кирпичную башню, где располагался трибунал и тюремные камеры инквизиции.

От солоноватого запаха из подземной цистерны перехватывало горло. Все знали, что во время чумы, свирепствовавшей четыре года назад, когда по всему Арагону люди умирали как мухи, тела часто сбрасывали в темные воды этого гигантского резервуара. Потом великий инквизитор, отец Агустин де Торреллес, приказал очистить колодец от останков. Ведущий к нему узкий коридор по его распоряжению несколько

раз окуривали, но странный, неприятный, резкий запах остался, напоминая о трагедии тех времен.

Эймерик поднялся по лестнице к тюремным камерам, где дежурило несколько охранников, потом — на второй этаж. Там его встретил совсем юный взволнованный доминиканец.

— Отец Николас, наконец-то вы пришли! Отец Агустин то и дело спрашивает про вас.

— Где он?

— Пожелал, чтобы мы перенесли его в зал для аудиенций, положили у камина. Но не подходите слишком близко. У лекаря нет сомнений. Это черная смерть.

Эймерик пожал плечами:

— Однажды я ее уже пережил. Отведите меня к нему.

Слегка кивнув, юноша приподнял штормку, которая занавешивала низкую подковообразную дверь в мавританском стиле. В сумраке помещения Эймерика было трудно что-нибудь разглядеть. Огромную залу, украшенную лепниной и фресками, освещал единственный факел. Потом, напротив камина, в котором едва теплился огонь, он заметил убогую кровать. Глазам едва удалось различить высохшее тело, прикрытое одеялами. У края кровати виднелся темный силуэт человека, стоявшего на коленях.

Удивленный собственной нерешительностью, Эймерик подошел к больному.

— Добрый вечер, отец Агустин.

Тело не пошевелилось. Однако стоявший на коленях человек поднял голову, и под темной вуалью Эймерик увидел клочья седых волос и морщинистое лицо старухи.